

Оглавление

Введение	5
<i>Глава первая. «Мы доверяли только маршалу»:</i> «Action française» и режим Виши	15
<i>Глава вторая. «Французский порядок»:</i> «Action française» и «национальная революция»	82
<i>Глава третья. «Остался, чтобы служить»:</i> Моррас и «Action française» в условиях немецкой оккупации...	144
<i>Глава четвертая. «Антисемитизм государства»:</i> «Action française», Виши, евреи и немцы	191
<i>Глава пятая. «Маньяк антигерманизма»:</i> Моррас против коллаборантов, коллаборанты против Морраса	217
<i>Глава шестая. «Беспощадное время»:</i> «Action française», движение Сопротивления и освобождение Франции	259
<i>Глава седьмая. «Ему позволили поговорить»:</i> суд и тюрьмы Шарля Морраса	304
Заключение	348
<i>Приложение. Шарль Моррас. К истории этих четырех лет.</i>	351
Список сокращений и библиография	368
Указатель имен	374

*Германия остается врагом номер
один.*

Шарль Моррас, июль 1940

*Я ежедневно воевал с гитлеризмом
до и после перемирия, в течение всей
оккупации.*

Шарль Моррас, декабрь 1950

Введение

Эта книга завершает исследование политической и пропагандистской деятельности монархического движения «Action française» («Французское действие»; название обычно не переводится) и его вождя Шарля Морраса против Германии как «наследственного врага» Франции, начатое монографиями «Шарль Моррас и “Action française” против Германии: от кайзера до Гитлера» (М., 2020) и «Шарль Моррас и “Action française” против Третьего рейха» (М., 2021). Эту работу вдохновляли «любопытность ума и бескорыстность в познании прошлого», что Франсуа Фюре называл «перводвигателем историка»¹.

«Action française» и его лидеры — политический философ и писатель Шарль Моррас (1868–1952), прозаик и публицист Леон Доде (1867–1942), историк и политический аналитик Жак Бенвиль (1879–1936), журналист и редактор Морис Пюжо (1872–1955), а также идейно близкий к ним критик и публицист Анри Массис (1886–1970) — с момента возникновения движения на рубеже XIX и XX веков показывали пример тотальной и бескомпромиссной германофобии, не зависевшей от политического режима в стране, которую они искренне считали и открыто называли «наследственным врагом» Франции. «Ни единого раза Моррас и наши учителя, — вспоминал бывший активист движения Анри Шарбонно, — не допускали возможности союза или примирения с Германией, даже побежденной. Все подобные попытки высмеивались или объявлялись изменническими!

¹ Фюре Ф. Постигание Французской революции. СПб., 1997. С. 20.

Ни один немец не заслуживает доверия! А к тем, кто верил в “хорошую Германию” и проявлял некоторый пацифизм после чудовищного убийства многих миллионов человек (и с каким результатом?), относились как к идиотам и преступникам» (СМР, 80–81). «Хороших немцев» нет и не может быть, есть только *боши* (оскорбительное название, распространившееся в годы Первой мировой войны). «Моррас остался непримиримым германофобом и противником нацизма, который считал последней формой пангерманизма»² (ОДМ, 260–261), — напомнил О. Дар, один из ведущих моррасоведов современной Франции. Именно это ставили Моррасу в вину коллаборанты³ оккупированного Парижа.

Рупор и организационный центр движения после запрета его организаций правительством в феврале 1936 г. — ежедневная газета «L’Action française»⁴ (в дальнейшем называем ее *L’AF*⁵), «лучше других сделанная газета Франции и долго остававшаяся таковой, чтение которой увлекало прежде всего благодаря

² Автор исследования об отношении «Action française» к Третьему рейху М. Грюнвальд считает, что национал-социализм не был наследником германского национализма и что догматическое понимание движением «германизма» в его неизменности «не позволило ему в полной мере оценить реалии гитлеровской системы» (MGA, 331).

³ Для Франции 1940–1944 г. я использую термин «коллаборант», а не привычное определение «коллаборационист», которое применяют к большому количеству разнородных явлений в разных странах, всегда с негативной эмоциональной окраской.

⁴ Издавалась с 21 марта 1908 г. по 24 августа 1944 г. Последний № 13000 был подготовлен, но не вышел в свет. С начала издания Анри Вожуа был указан политическим директором газеты, Доде главным редактором; позднее Вожуа (после его смерти в 1916 г.) фигурировал как основатель, Доде и Моррас как политические директора, Пюжо как главный редактор (с 1922 г.); после своей смерти в 1942 г. Доде был также назван основателем, Пюжо с февраля 1944 г. вторым политическим директором. Во французской прессе тех лет: «основатель» — символическая фигура, «политический директор» — идейный руководитель газеты, «главный редактор» — технический руководитель.

⁵ Так же называли газету между собой активисты движения (СМР, 39).

таланту авторов» (BCF, 18), — едва ли не первой в стране обратила внимание на опасность национал-социализма после успеха НСДАП на выборах 1930 г. в Рейхстаг. Изменилось ли принципиально отношение «Action française» к Германии после прихода Гитлера к власти? Нет, ибо стать хуже оно не могло.

«Невозможность глубокого изменения немецкого духа после смены режима» была аксиомой политической философии Морраса, как и то, что «за двадцать веков германские народы не изменились по сути»⁶. Ненавистный «германизм» Лютера и Фихте явился в новой, более агрессивной форме. Национал-социалисты делали Германию сильнее — значит, опаснее. При всем антикоммунизме Моррас и его сторонники всегда отказывались видеть в Гитлере потенциального союзника в борьбе против «азиатского большевизма» и, тем более, «защитника Запада». Это не мешало пропагандистам лгать, что Моррас «был куплен итальянцами, немцами и испанцами еще до капитуляции Франции, хотя на словах и выступал тогда против германофильской политики»⁷. Влияние на советских авторов и их читателей оказывала и тщательно подобранная переводная литература, почти исключительно коммунистической или голлистской (кроме первых лет «холодной войны»⁸) ориентации⁹. От нее не приходилось ждать объективности в отношении Морраса — злейшего врага этих сил. «Я признаю, что являюсь врагом коммунизма, но не коммунистов, — заявил на суде его «подельник» Пюжо. — <...> Если мне хотят поставить это в вину,

⁶ Charles Maurras. Les chefs socialistes pendant la guerre. Paris, 1918. P. 89 (L'AF, 16 августа 1916), 209 (L'AF, 6 января 1917).

⁷ Шейман М. М. Ватикан во Второй мировой войне. М., 1951. С. 122.

⁸ Пример: Вюрмсер А. Де Голль и его сообщники. М., 1948.

⁹ Типичный пример: Vert A. Франция. 1940–1955. М., 1959 (АВФ). Неприязнь к Моррасу и к движению «Action française», которое он называл «фашистским», отмечены другие его книги: Alexander Werth: 1) France in Ferment. London, 1934; 2) The Destiny of France. London, 1937; 3) France and Munich. Before and After the Surrender. London, 1939; 4) The Twilight of France, 1933–1940. A Journalist's Chronicle. London, 1942.

пусть нам открыто скажут, что наше преступление заключается в противостоянии коммунистической пропаганде, но не называют это изменой родине, потому что я, напротив, как раз защищал родину» (МРС, 193).

«Action française» боролось против Германии вплоть до поражения Франции в июне 1940 г., затем перенесло свою деятельность в Лимож и Лион, центр свободной зоны. Движение поддерживало главу государства маршала Филиппа Петэна и идею «национальной революции», но дистанцировалось от режима Виши, особенно от Пьера Лаваля, а с коллаборантами — сторонниками сотрудничества с Германией — находилось в постоянной и непримиримой вражде. Живший во Франции с советским паспортом и находившийся в 1940–1941 гг. в оккупированном Париже А. Н. Рубакин не постеснялся упомянуть Морраса в одном ряду с настоящими коллаборантами, которые «своими продажными перьями служили гитлеровцам»¹⁰, хотя не мог не знать правду. Тот факт, что некоторые бывшие последователи Морраса, участники движения и сотрудники *L'AF*, как Робер Бразийяк и Люсьен Ребате, оказались среди коллаборантов, позволял утверждать, что это произошло под влиянием учителя. Однако речь только о *бывших* моррасианцах — «моррасианцах с нечистой совестью», как выразился один из них, Люсьен Комбель, «потому что настоящий моррасианец ни на секунду не станет германофилом, никогда, никогда»¹¹. Моррас немедленно отлучал от движения и публично проклинал любого, кто выступал за сотрудничество с немцами, как Бразийяк, если коллаборант сам первым не отрекался от движения и его вождя, как Ребате.

Публичное противостояние стало невозможным, но Моррас повторял единомышленникам, что «Германия остается врагом

¹⁰ Рубакин А. Н. В водовороте событий. Воспоминания о пребывании во Франции в 1939–1943 гг. М., 1960. С. 129.

¹¹ Lucien Combelle. Pêché d'orgueil. Paris, 1978. P. 287. На суде в декабре 1944 г. коллаборанту Комбелю напомнили, что в 17 лет (в 1930 г.) он стал «рьяным сторонником Морраса». «Я порвал с ним через год», — ответил он (Там же. С. 328).

номер один». Немедленно запретив *L'AF* в оккупированной зоне, немцы терпели ее издание в Лионе даже после полной оккупации страны в ноябре 1942 г. Позже Моррасу ставили в вину то, что он «при бошах» продолжал выпускать газету, издавать книги, читать лекции. Открыто не выступая против Третьего рейха, он никогда не высказывался в его поддержку. Оккупанты тоже знали, с кем имеют дело: Моррас был внесен в список кандидатов на арест в случае высадки «союзников» во Франции. «Поведение врага, — писал он в 1947 г., — должно дать понять, что́ значило и чего стоило это долгое сопротивление, которое маршал и верные ему, включая “Action française”, имели честь оказывать до самого конца» (РТР, 23). В адресованном Тьерри Монье инскрипте на собрании стихов «Внутреннее равновесие» (1952) Моррас назвал эту деятельность «подлинным лионским сопротивлением» (экземпляр в моем собрании). Коллаборант Морис-Иван Сикар, известный в литературе под именем «Сен-Польен», в 1964 г. писал: «Печально констатировать, что Шарль Моррас на суде, в тюрьме и до самой смерти продолжал быть настроенным не только анти-германски, но и *анти-бошевски*» (курсив автора; СПС, 383). Это признание дорогого стоит.

Отношение «Action française» к Третьему рейху было сознательно фальсифицировано противниками уже в годы войны. Коллаборант Пьер Дриё Ла Рошель в июне 1943 г. утверждал: «Теперь Моррас сам хорошо знает, что <...> Германия является последним бастионом старой французской цивилизации» (DFE, 308), — хотя «сам хорошо знал», что Моррас придерживался противоположной позиции. «Не забавляйтесь созданием куклы, которую вы называете Шарль Моррас, — заявил вождь монархистов на суде. — У меня есть моя жизнь, моя карьера, мои книги, моя доктрина, мои ученики, мое будущее, которые вас опровергают» (МРС, 67). Признание Морраса виновным в сотрудничестве с оккупантами и в подрыве морального духа нации было не просто политической расправой голлистов и коммунистов с лидером врагов, но его идейной и моральной

дискредитацией. Это сработало. Предваряя в год столетия автора переиздание его антологии «Мои политические идеи», Пьер Гаксотт, благодарный, но бывший ученик и последователь, писал: «Фигура Шарля Морраса, какой ее сфабриковали двадцать лет назад, не перестает удивлять тех, кто имел честь быть близким к нему или просто потрудился его прочитать. Ему приписывают идеи, которых у него никогда не было. Его делают сторонником политики и режимов, с которыми он боролся всю жизнь. <...> Его изображают поклонником Германии. Он испытывал отвращение к ней. <...> Можно соглашаться или не соглашаться с ним. Но никто не имеет права приписывать Моррасу то, чего он не говорил» (ССМ, № 64, 6). Однако так делают до сих пор.

Некоторые оценки и выводы этой книги могут показаться неожиданными и противоречащими привычным представлениям. Не застрахованный от ошибок и открытый для профессиональной дискуссии, автор считает бесспорным тезис А. В. Чудинова: «Если даже какое-либо положение и выглядит общепризнанным, это еще не значит, что оно верно. Более того, подобная “общепризнанность” сама по себе является ловушкой. Ведь чем больше людей повторяет то или иное суждение, тем труднее усомниться в его истинности, особенно, если в числе его сторонников оказываются уважаемые профессионалы. И если даже такое суждение изначально было ошибочным, но это, по той или иной причине, сразу не установили, то со временем авторитет традиции превращает его в “прописную истину”, расхожий стереотип, поставить который под сомнение уже и в голову никому не приходит»¹². Долг историка — бороться с ошибочными суждениями в статусе «прописных истин». Применительно к нашей теме примером такой борьбы являются работы А. Н. Бурлакова¹³,

¹² Чудинов А. В. Французская революция. История и мифы. М., 2007. С. 7.

¹³ Ставшая итогом многолетних исследований книга: Бурлаков А. Н. Петэн. Последний великий француз. СПб., 2022 — вышла после завершения настоящей работы.

на соседнем участке фронта — книги М. А. Девлин о британской внешней и внутренней политике¹⁴.

Французская историография изучила и осмыслила идеи и деятельность Морраса¹⁵, не говоря об огромном массиве информации по истории Франции этих лет. Период Виши до сих пор вызывает особое кипение идейных, политических и человеческих страстей и жесткую поляризацию мнений¹⁶. За пределами Франции бытует лишь голлистско-коммунистическая интерпретация, тотально осуждающая режим, причем это относится и к популярной, и к научной литературе. Ее воздействие усиливается тенденциозной беллетристикой и фильмами, которые влияют на массовое восприятие прошлого гораздо сильнее, чем исследования историков или публикации документов. Учитывая малую изученность и предвзятое освещение периода Виши в отечественной литературе, автор счел необходимым подробнее остановиться на проблемах, лишь косвенно связанных с главной темой книги, а также на обстоятельствах жизни Морраса, учитывая его особую личную роль. «Моррас повсюду, Моррас вездесущ. <...> Моррас — это “Action française”, как Рено — это автомобиль»¹⁷. «Моррас был центром движения, настоящим монархом, если сравнить его с блеклым герцогом де Гизом, претендентом, или графом Парижским, наследником» (MAN, 42).

¹⁴ Девлин М.: 1) Невилл Чемберлен. Джентльмен с зонтиком. М., 2019; 2) Лорд Галифакс: Святой Лис. СПб., 2021; 3) Страх и ненависть в Форин Оффисе. М., 2021.

¹⁵ Обзор «Шарль Моррас и “Action française” в современной французской историографии»: Молодяков В. Шарль Моррас и «Action française» против Третьего рейха. М., 2021. С. 289–297.

¹⁶ Концептуально важные обзоры: Бурлаков А. Н.: 1) Французская историография о немецкой оккупации Франции (1940–1944 гг.) // Clio-Science. Сборник научных трудов. Вып. III. М., 2012. С. 288–304; 2) Маршал Петэн и французы // Запад и Восток: история и перспективы развития. Рязань, 2019. С. 403–411; 3) «Казус Петэна» в политической жизни современной Франции // Локус. 2019. № 2.

¹⁷ Combelle L. Péch  d'orgueil. P. 80, 82.

Помимо текстов Морраса и свидетельств современников, я использовал наиболее информативные работы исследователей, прежде всего Ю. Вебера¹⁸, И. Широу, О. Дара и М. Грюнвальда, критически относясь к их тезисам и выводам. Предстоит сделать еще много, поэтому автор видит в настоящей книге не закрытие темы, но приглашение к дальнейшим исследованиям¹⁹. Тем более что в сегодняшней Франции идеи Морраса живут, сочинения переиздаются и изучаются, деятельность последователей продолжается: страницу современного движения «Action française» я ежедневно вижу в Интернете²⁰.

Необходимо сделать еще три замечания историографического характера.

Первое. Огромный объем политико-публицистического наследия Морраса и его соратников, даже с учетом доступности, побудил автора отказаться от фронтального просмотра *L'AF* и журнала «Revue universelle» за 1940–1944 гг., что отсрочило бы завершение работы на неопределенный срок. Не имея целью охватить всё написанное Моррасом и его соратниками

¹⁸ Несмотря на отдельные фактические ошибки и неточности французского перевода, отрицательная оценка его книги Р. Жозефом (ССМ, № 11, 46–47; № 14, 51–53) представляется несправедливой. Далекая от моррассианства, она отмечена стремлением «не судить, а понять» (М. Блок), что отличает ее от многих позднейших работ. Написанная иностранцем, далеким от внутрифранцузских страстей, и выпущенная крупным издательством «Stock», книга принесла памяти о Моррасе и репутации «Action française» больше пользы, чем вреда. См. также отклик Ф. Фюре на ее переиздание в 1985 г.: *François Furet. La grande vaincue // Le Nouvel observateur*. 1986. № 3. Р. 58–59.

¹⁹ Статья: *Виватенко С. В., Веремчук А. С.* «Аксон Франсез» и Шарль Моррас в 1940–1944 гг. между Родиной и оккупантами // Новое прошлое / The New Past. 2020. № 3. С. 152–167 — лишь намечает тему, но отличается отказом от идеологических шаблонов.

²⁰ Укажу также не связанные с политикой сайты maurras.net и maurrassiana.free.fr (собрание текстов Морраса и о Моррасе), www.maurras-actuel.com (библиографическая информация).

о Германии и, тем более, все отклики на это третьих лиц, автор сосредоточился на фактах и проблемах, которые посчитал наиболее важными. Я изучил материалы суда над Моррасом, апелляции и сопутствующие тексты, но оставил в стороне статьи о Германии военных аналитиков *L'AF*: они достойны отдельного исследования, но в политическом отношении полностью следовали генеральной линии Морраса.

Второе. Литература об «*Action française*» и его вождях долгое время была либо агиографической, либо разоблачительной, причем вторая тенденция заметна и в академических работах. Литература первой категории более информативна, но обе уступают первоисточникам, на которых автор сосредоточил внимание.

Третье. Литература об «*Action française*» на других языках по сравнению с франкоязычной (включая переводы) настолько немногочисленна и вторична по содержанию, что ее можно оставить без внимания.

Большинство использованных материалов находится в собрании автора. Ввиду обилия цитат для удобства чтения использована система сокращенных указаний на источники в основном тексте, а список сокращений, одновременно являющийся избранной библиографией, помещен в конце книги. Все переводы, за исключением особо оговоренных, выполнены автором с языка оригинала.

Среди упоминаемых в книге лиц немало тех, кто неизвестен российскому читателю, поэтому автор аннотировал именной указатель. Многие французские политики занимались адвокатской или журналистской деятельностью, поэтому определения «адвокат» и «журналист» приводятся только в тех случаях, когда это имело особое значение. Определение «публицист» предполагает изложение оригинальных идей или их анализ, а не только отклик на текущие события. Определение «мемуарист» опущено, поскольку мемуары — разной степени ценности — оставила едва ли не половина упомянутых лиц.

Введение

Выражаю глубокую признательность А.Н. Бурлакову, принявшему на себя труд научного редактора и указавшему на ряд ценных источников; постоянный творческий диалог с ним был необходим для завершения работы. Большую помощь изданию оказал М.Ю. Кожевников. Ответственность за возможные упущения и ошибки лежит исключительно на авторе.

*Токио, 16 ноября 2021,
день памяти Шарля Морраса*

Глава первая

«Мы доверяли только маршалу»: «Action française» и режим Виши

*У нас нет иных шансов,
кроме поддержания национального
единства, воплотившегося в маршале
Петэне.*

Шарль Моррас, 26 июня 1940

*В Виши у нас больше врагов,
чем друзей.*

Шарль Моррас,
начало сентября 1941

1.

Прежде чем рассматривать отношения «Action française» с режимом Виши — официально «Французским государством», — существовавшим с июля 1940 г. по август 1944 г., надо охарактеризовать этот режим, «в оценке политической природы» которого, как указал А. Н. Бурлаков, «многие историки руководствуются не научными критериями, а идеологическими мотивами»¹.

«Несмотря на срок в тридцать лет, настойчивость отторжения всего, что связано с Виши, не позволяет страстям утихнуть. Мы живем в атмосфере предубеждений. <...> Подрастающее поколение почти ничего не знает о происходившем во Франции с 1939 г. по 1945 г. Хуже: то небольшое, что оно знает, порождено неправдой, которую четверть века распространяло школьное образование и беспрестанно повторяли все средства информации. Иначе

¹ Бурлаков А. Н. Политическая природа режима Виши во Франции (1940–1944) // Локус. 2017. № 1. С. 45; лучшее исследование данного вопроса в российской историографии.

быть не могло: (послевоенный. — В. М.) режим основан на легенде, которую нельзя опровергнуть без риска всё обрушить» (HEV, 7–8). Этими словами Габриэль Офан полвека назад открыл «Начальную историю Виши». За полвека «атмосфера предубеждений» вокруг режима сгустилась. В массовом сознании он предстает как нелегитимный, фашистский, коллаборационистский.

«Свободная Франция» Шарля де Голля объявила *нелегитимным* не только Французское государство, но и кабинет маршала Филиппа Петэна, сформированный 16 июня 1940 г. (АНЕ, II, 86–96). «Диссидентское правительство, назначившее само себя, судило законное правительство Франции, созданное в результате нормального парламентского голосования» (АНЕ, I, 230), — отметил историк Робер Арон. В отличие от объявления войны Германии 3 сентября 1939 г. без решения Национального собрания (Сената и Палаты депутатов), что нарушало конституцию, создание последнего Совета министров Третьей республики было проведено в соответствии с ее законами, кроме получения вотума доверия в парламенте, который не мог быть оперативно созван в чрезвычайной ситуации. Премьер² Поль Рейно сам подал в отставку и сам порекомендовал Петэна президенту Альберу Леброну в качестве своего преемника. «Когда всё потеряно, он был счастлив найти во мне замену» (TML, 85), — заметил маршал. Историк П. Бурже назвал новое правительство «кабинетом Рейно... без Рейно» (и без беллицистов Эдуара Даладье и Жоржа Манделя). «Одиннадцать из пятнадцати министров Петэна *уже* были министрами Рейно; они составляли костяк того большинства за перемирие, которое вызвало отставку предыдущего кабинета»³. «Если перемирие — преступление, то его соучаст-

² Официально глава правительства называется «председатель Совета министров» (président du Conseil des ministres), сокращенно «председатель Совета» (président du Conseil). Использую термины «премьер-министр» и «премьер» как синонимы «председателя Совета министров».

³ *Pierre Bourget*. Un certain Philippe Pétain. <Paris,> 1966. P. 180. Бывший адъютант Петэна и его историограф генерал А. Конкэ подчеркнул эту фразу в своем экземпляре (собрание В. Э. Молодякова).

ник — вся Франция, — суммировал свидетель событий Жозеф Бартеlemi. — В июне и июле 1940 г. я не встречал ни одного француза, который не был бы сторонником перемирия» (ВМЖ, 330)⁴. Поэтому обличители сосредоточились на решении Национального собрания 10 июля 1940 г. предоставить Петэну исключительные полномочия, которое называют «государственным переворотом»⁵. Справедливо ли это?

25 июня вступило в силу перемирие между Францией, с одной стороны, и Германией и Италией, с другой. Находившееся в Бордо правительство объявило национальный траур. Президент Альбер Лебрен, председатель Сената Жюль Жанене, председатель Палаты депутатов Эдуар Эррио и группа сенаторов и депутатов собрались отплыть в Северную Африку, для чего командующий флотом адмирал Франсуа Дарлан выделил им корабль «Массилия»; отплытие состоялось позже и в ином составе. Петэн был готов отпустить в Северную Африку министров, но сам отказался покинуть Францию. Против отъезда выступила группа политиков во главе с сенатором Пьером Лавалем.

Единственный глава французского правительства, казненный по приговору французского суда, Лаваль — одна из ключевых фигур истории XX века, зловеющая для одних, трагическая для других. Он был опытным государственным деятелем: депутат в 1914–1919 и 1924–1927 гг., сенатор с 1927 г., неоднократно министр, начиная с 1925 г., премьер в 1931–1932 и 1935–1936 гг.

⁴ Бурлаков А. Н.: 1) Падение Третьей республики во Франции // *Clio-Science: проблемы истории и междисциплинарного синтеза*. Вып. II. М., 2011. С. 190–221; 2) Франция в годы Второй мировой войны: перемирие 1940 года — капитуляция или спасение? // *Война и революция: социальные процессы и катастрофы*. [Электронное издание.] М., 2016. С. 255–264.

⁵ Киссельгоф И. С. История Франции в годы Второй мировой войны. М., 1975. С. 41; Максимов В. П. Франция в XX веке. М., 2001. С. 162. Ср.: «Правительство Петэна-Вейгана (так! — В. М.) было не совсем легитимно, оно было сформировано с существенными нарушениями конституции Третьей республики. Но шла война»: Максимов В. Де Голль и голлисты. Коннетабль и его соратники. М., 2014. С. 78.

Лаваль находился в оппозиции правительствам Народного фронта, но крах политики беллицистов давал ему как «человеку мира» шанс выйти на первый план.

Сторонник скорейшего перемирия Лаваль претендовал на пост министра иностранных дел. Петэн, знавший его по совместной работе в кабинете Гастона Думерга в 1934 г., предложил ему пост вице-премьера и министра юстиции, однако тот отказался. Маршал соглашался назначить Лавалья главой МИД, но главнокомандующий генерал Максим Вейган заявил, что это приведет к разрыву с Англией и «бросит Францию в объятия Германии». Сославшись на необходимость «преемственности в политике», Петэн остановил выбор на государственном вице-секретаре Поле Бодуэне (BPD, 116–118). Лаваль «ушел, хлопнув дверью», но 23 июня принял пост министра без портфеля. На возмущение Бодуэна и Вейгана маршал ответил: «Я должен иметь его в правительстве. Здесь его интриги будут не столь опасны, как если бы он возглавлял оппозицию извне» (BPD, 138).

Пока генералы и дипломаты занимались перемирием, Лаваль вынашивал далеко идущие планы. «Нужно новое государство, простое, сильное, хорошо организованное, внушающее доверие и французам, и немцам» (MCV, 35), — пересказал их Морис Мартен дю Гар. О переменах думал не один Лаваль. 28 июня Вейган показал Бодуэну меморандум о замене «старого порядка вещей, политического режима масонских, капиталистических и международных сделок» на «новый социальный режим, основанный на доверии и сотрудничестве между работниками и хозяевами», режим, «идеал которого заключается в словах: Бог, Родина, Семья». Генерал сказал, что ознакомил с документом маршала и тот одобрил его (WRS, 298–299; BPD, 151–152). Петэн никогда не ссыался на записку Вейгана, но, формулируя свою программу, не забыл его рекомендации — за исключением «Бога».

Не желая упустить инициативу, Лаваль добился поста вице-премьера и переезда правительства из Бордо, попавшего в оккупированную зону, в Клермон-Ферран. Выбор оказался

неудачным: к 29 июня в городе с населением в 100 тысяч человек скопилось 180 тысяч беженцев. Центром свободной зоны стал Лион, но Петэн отказался ехать туда, заявив, что не желает иметь дело с мэром Эррио. Выбор пал на Виши: в столице минеральных вод хватало гостиниц, чтобы разместить министерства, парламент и дипломатов. Столица предполагалась временной — до возвращения в Париж или Версаль (BPD, 153).

Лаваль требовал скорейшего созыва Национального собрания для изменения конституционных законов 1875 г. и передачи полноты власти Петэну — единственной фигуре, способной сплотить французов. Реальная власть должна была перейти к Лавалю как главе правительства. 2 июля кабинет постановил внести проект реформы в парламент. Нападение англичан на французский флот в Мерс-эль-Кебуре 3 июля под предлогом недопущения его передачи врагу (что никогда и никем не предполагалось) чуть не привело к объявлению войны и замедлило процесс, но добавило аргументов Лавалю. 8 июля Лебрен и Петэн, действуя согласно конституции, подписали проект закона о намерении внести изменения в конституцию. Днем позже парламент утвердил его: «за» проголосовали 395 депутатов против 3, 229 сенаторов против 1 (GFF, 172–176). Именно на этом заседании Палаты Эррио сказал: «Наша нация в своем горе сплотилась вокруг маршала Петэна с чувством благоговения, которое его имя внушает всем. Остережемся нарушить согласие, которое установилось под сенью его авторитета» (GFF, 172).

На совместном заседании палат 10 июля в охраняемом полицией театре «Grand Casino» Лаваль зачитал письмо Петэна, поручавшее ему внести на голосование проект конституционного закона, сам проект и разъяснение к нему (JMV, 70–95; ЭЭЭ, 81–86; PBS, 269–293; MCV, 49–57; GFF, 177–189). Единственная статья гласила: «Национальное собрание предоставляет все полномочия правительству Республики под властью и за подписью маршала Петэна с целью промульгации одним или несколькими актами новой конституции Французского государства. Эта конституция должна гарантировать права, относящиеся к труду,

семье и родине. Она будет ратифицирована народом и применяться собраниями, которые она создаст» (GFF, 184)⁶.

Состав Национального собрания включал 846 человек: 544 депутата и 302 сенатора. В зале присутствовали 667 человек: 423 депутата и 244 сенатора. После речи Лавалья и обсуждения ситуации «за» проект проголосовали 569 человек: 357 депутатов и 212 сенаторов, т. е. 85% присутствующих и 67% списочного состава. Голоса «против» подали 80 человек: 57 депутатов и 23 сенатора. Воздержались 17 человек: 9 депутатов, включая Эррио, и 8 сенаторов. Председательствовавший на заседании Жанене не участвовал в голосовании: отсюда указание на 666 присутствующих в ряде источников. Еще 3 были признаны «не могущими принять участие в голосовании» (арестованы немцами) и 31 «отсутствующими по уважительной причине» (включая уплывших на «Массилии»)⁷. Остальные не явились по разным причинам — от физической невозможности (эмиграция, плен) до... как назвать тех, кто находился в Виши, но не пришел на заседание? Советские историки напоминали, что депутаты-коммунисты были лишены мандатов еще весной 1940 г., но их голоса не могли изменить ситуацию.

Всех проголосовавших «за» ждала одинаковая участь вне зависимости от партийной принадлежности. Опираясь на предложения собравшейся в Лондоне группы депутатов, Французский комитет национального освобождения во главе с де Голлем 21 апреля 1944 г. пожизненно лишил таковых права быть избранными в представительные органы; некоторым его вернули за заслуги перед движением Сопротивления или по законам об амнистии (АНЕ, I, 74–77, 160; III-2, 318–332). Фамилии всех проголосовавших «против» увековечены на мемориальной

⁶ Цит. по: *Прело М.* Конституционное право Франции. М., 1957. С. 294.

⁷ Официальные данные, обнародованные по завершении голосования (JMV, 137–138). Полные списки голосовавших приведены во французской Википедии (Vote des pleins pouvoirs constituants à Philippe Pétain — wikipedia.org); относительно численности и категорий отсутствующих имеются разночтения.